

Р Ъ Ч И,

ПРОИЗНЕСЕННЫЯ

239 $\frac{3}{155}$

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

30го Августа 1808го года.

ВЪ ХАРЬКОВѢ,

Въ университетской Типографіи,
1808 года.

THE

LIBRARY

OF THE

UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS

PHYSICS

PHYSICS

PHYSICS

PHYSICS

PHYSICS

PHYSICS

PHYSICS

PHYSICS

PHYSICS

PHYSICS

PHYSICS

PHYSICS

PHYSICS

PHYSICS

Студентъ , окончившій курсы наукъ.

Еще мы удостоились П. С. въ семъ радостномъ спеченіи нашемъ, въ семъ храмъ музъ, въ жилищъ украшенію юношества посвященномъ, услышатъ нарядные тоны и гласы очаровательнаго мусикійскаго искусства, вѣщающаго день сей, день праздника знаменитаго.

Еще я имѣю честь возвысить гласъ мой въ семъ обителищѣ надежды и оправды чадолубивыхъ родипелей, не по одному кровному союзу званіемъ симъ и именемъ веселящихся; нѣтъ, не по сему одному, полико неограниченному доспоянію, которое есть даръ общей мапері, есть лесный однакожъ общій удѣлъ, царствующею и Богомъ обладаемою природою въ сердца живыхъ впечатлѣнный, но паче по благомыслию, по предположенной цѣли, съ пользою опечесства неразлучной, по всей справедливости достойныхъ носимой чести и неизмѣняемыхъ родипельскихъ правъ.

Въ семъ самомъ храмѣ, на всегда опверспомъ СВЯЩЕННУЮ ДЕСНИЦЕЮ, указавшею быти въ немъ возпоку благодѣтельнаго свѣта на югѣ вселенныя владычества своего, здѣсь подобаетъ совершать чисную жертву въ умиленномъ преклоненіи сердецъ, благодарностию дышущихъ;

здѣсь ТЕБѢ, о ТВОРЕЦѢ предуготовляемаго ТОБОЮ щаспія мужеской юности, къ мужеству и подвигамъ всякаго рода во славу царствія ТВОЕГО образуемой, здѣсь, безпримѣрными ТВОИМИ благодареніями упоенные, созидаемъ въ сердцахъ нашихъ олпартъ славы и величія ТВОЕГО; поржествуемъ съ миллионами о скиптрѢ ТВОЕМЪ веселящихся благословенный сей день АВГУСТЫШАГО ТЕЗОИМЕНИТАГО, и единодушно возклицаемъ: живи и царствуй единспвенное щаспіе Россіи!

Уже видѣли вы П. С. первые плоды Творческой руки благословляемаго нами МОНАРХА; въ вашемъ здѣсь присупствіи, въ семъ самомъ верпоградѣ боговдохновеннаго ЕГО насажденія, опдѣляясь опѣ преднаписанныхъ и прехлѣпнымъ счисленіемъ ограниченныхъ мѣспѣ впоричнаго своего рожденія, великодушному сердцу ВЫСОКАГО НАСАДИТЕЛЯ паче всякой смерпныхъ славы пріятнаго, по довольномъ изпыпаніи юныхъ своихъ крылышекъ, возходилъ недавно первый рой образованныхъ Россійскихъ чадъ съ шумомъ чиспаго веселія и съ удовольспвіемъ перваго впечатлѣнія, какое полько можетъ произвеспѣ мѣра возчувспванной новой силы и новыхъ способностей.

Долго, долго кружился онъ еще при спѣнахъ сихъ по опдѣленіи своемъ, какъ бы избѣляя пѣмъ сожалѣніе свое, что долженъ наконецъ оппоргнуться опѣ массы, въ которой, во все время образованія своего, съ жадностію почерпалъ пріятные дары новой жизни. Но возчувспво-

вавъ силу и доброту закона, повелѣвающаго принятыя да-
 ры, приведя ихъ въ дѣйство, употребилъ на пользу об-
 щую и пѣмъ удовлетворилъ Опеческому промыслу СВЯ-
 ЩЕННАГО ЗАКОНОДАТЕЛЯ, съ быспротою, возрасту сво-
 ему прилично, удался отъ стѣнъ сихъ, направляя
 свой полетъ въ сѣмъ отдаленныя, въ сѣмъ призыва-
 ющія знаніе, искусство и трудолюбіе. Подобно пчельному
 рою, всегда имѣющему въ сопровожденіи своемъ попечи-
 пельную матку, не сиротствомъ обремененный удался
 и нашъ отъ сихъ мѣстъ; нѣтъ, провидящее око не могло
 вѣрить его произволу случая, но такъ успроило, да Цар-
 ская милость напустиваетъ его всюду; всюду достоинство
 воспрѣшилъ праведный удѣлъ; вездѣ полезныя познанія съ
 чистотою нравовъ и посильнымъ трудолюбіемъ съ радо-
 стію приняты будучи. Каждый его членъ, уразумѣвый
 званіе свое и съ надѣянїемъ грядущій въ путь избранный,
 приобрѣлъ не оспоримое право тако къ себѣ вѣщати: съ
 душевнымъ возхищеніемъ и съ сердечнымъ удовольстві-
 емъ, какъ вѣрный сынъ опеческа, чувствую, что пилъ
 отъ чаши благодѣяній ВЕЛИКОДУШНАГО АЛЕКСАНДРА во
 славу имени ЕГО и въ честь споспѣшствующихъ МОНАР-
 ШЕМУ изволенію какъ неусыпнымъ бдѣніемъ о успроеніи
 и полезности обширныхъ предметовъ, такъ равно и по-
 двигами о принесеніи жертвы БЛАГОДѢЮЩЕМУ въ пользу
 чадъ и попомковъ своихъ. Съ надежностію гряду теперь
 куда опеческо меня призываетъ; съ незыблемою пвер-
 достію приемлю возлагаемыя на меня должности; спѣшу
 явить предъ лицомъ согражданъ несумнѣнную доброту

испіннаго просвѣщенія, съ радостію вступишь въ ряды членовъ, имѣющихъ щастіе служить ВЕЛИЧАЙШЕМУ изъ МОНАРХОВЪ, и доказать, что щедроты ЕГО, на чада храма сего изливаемыя, устроютъ благополучіе всѣхъ и каждого, и что щасливъ, спокрапно щасливъ тотъ, кому ласковая судьба дала въ удѣлъ быть учасникомъ толкія милоспіи; а и того щасливѣе, кто можетъ похвалиться, что не только не все счипался въ чредѣ избранныхъ, но паче прочихъ, подвизаяся въ прудахъ и бдѣніяхъ въ оправданіе жребія своего, достигъ помѣщеніемъ своимъ завидной черпы опличительности во всякомъ опношеніи.

Весьма справедливо возхищается о участи своей юноша, приобрѣтшій въ полезныхъ наукахъ достапочныя свѣдѣнія, для членовъ каждого соспоянія, важный порядокъ въ устроеніи общеспвенномъ соспавляющаго, толко необходимыя, мброю способности онаго и пакою же сущей ихъ попребности удѣляемыя. Съ прияпностію чувспвуетъ онъ благость бытія, которое услаждаетъ приобретенная возможная удобность въ опкрытіи испінны и позволенныхъ чловѣческому разуму причинъ въ бытіяхъ и дѣяніяхъ богатыя природы. Уже съ пихимъ удовольствіемъ зрѣтъ онъ движущуюся къ нему величеспвенными шагами черную, громовъ спрашнымъ прескомъ ярящуюсь, мгновенными, бѣлыхъ огней, небесными спрѣлами поминушно раздираемую, бурнымъ вихремъ и ужасомъ смерпныхъ предшеспвующую грозу. Поспигая сего явленія еспеспвенные успавы онъ зрѣтъ его въ безмолвіи, безъ дерзновенія и безъ препеня, въ сладчайшемъ

удивленіи силъ и величію Божію, преклоненъ сердцемъ, исполненнымъ благочестія, возносится къ престолю вышняго и въ возпортъ произноситъ высокое оное изреченіе: дивенъ БОГЪ нашъ и чудна дѣла ЕГО! Спѣша по помъ укрывся отъ ненастья среди темныя ночи находить древнія, пустынею зараженныя, огромнаго зданія развалины, жилище мрака и убѣжище ночныхъ ппицъ. Не видя ничего, слышитъ смутныя, отвращительныя, многихъ страхомъ поражающіе голоса и разныя соотвѣспивенныя тому движенія, по которымъ узнаетъ печальный родъ хищныхъ, мракъ любящихъ крылатыхъ, и спокоенъ. Вдается въ размышленія, и находить, что все успроено божеспивеннымъ, совершеннымъ образомъ. Громы, такъ разсуждаетъ онъ, ужасомъ поражающіе громы соспавляютъ необходимый, но пустой спукъ, и супъ произведенія дѣйспивительно убивспивенной спрѣлы, долженспвующей быпіемъ своимъ самой благодѣспивельной операціи еспивспивенной Химіи, посредспвомъ которой превышающая мѣру въ атмосферѣ электрическая матерія превращается въ вещество, первому оному совершенно пропивное, совершенно полезное, и тѣмъ самымъ испребляетъ въ воздухъ небснаго огня избытокъ, для здоровья нашего весьма вредный. А что нашъ юноша, о своихъ познаніяхъ радующійся, судитъ справедливо, могутъ въ помъ засвидѣтельспвовать Физики и Медики, а паче разслабленныя въ нервномъ спрѣ женщины, сблизжающей грозы всегда вѣрныя вѣспники. Между тѣмъ продолжающіе упомлять слухъ его то грозныя, то плачевныя, то

смутныя тоны окружающихъ его дѣпей мрачныя ночи привлекли наконецъ его вниманіе. Не безъ важной причины, пакъ думаетъ онъ, наградила ихъ природа столь опирающимися голосами и самою даже спрахъ наводящею наружностію; услыша близость сего рода чудовища, подверженныя хищности его жертвы ищутъ конечно надежнѣйшаго убѣжища; чѣмъ самымъ запрудняятъ убивственную ловипву, и спавятъ препоны сильно вооруженнымъ и весьма удобно низлагающимъ кровопійцамъ. Опъ сего одно рвеніе спасающее, а другое наспупающее; оба же вмѣстѣ соспавляютъ дѣяпельность, природою преднаписанную, живописнымъ онымъ обоого рода полезную. И тутъ нашъ юноша являетъ добропу сужденія, яко безцѣнный даръ плодовиныхъ его прудовъ, силою копораго и въ самыхъ мрачныхъ, для многихъ другихъ ужасомъ призраковъ населенныхъ, мѣспахъ находипъ удовольствіе спокойно заняпся размышленіемъ о вѣчномъ успройствѣ поликія премудрости. Такъ, дѣяпельность во всей природѣ есть главная цѣль и вѣрная мѣра предопредѣленной цѣлости въ сущеспвованіи каждаго бытія. Дѣяпельность есть ея величайшее средспво къ некончаемому продолженію безконечныхъ произведеній во всѣхъ царствахъ стараго нашего, безпреспанно обновляющагося міра.

Человѣку, живописному, всякой пвари, всякому жизни причаспному бытію предопредѣлены свои необходимоспи, удовольстворенію копорыхъ всякъ подверженъ зако-

номъ непреложнымъ, пребывающимъ соотвѣтственнаго каждой изъ нихъ дѣйствія, различнаго свойства и мѣры дѣятельности составляющаго. Премудрость устроила взаимство, зависимость и пропорцію между необходимостію и удовлетвореніемъ; дала всѣмъ тварямъ на употребленіе ихъ мѣру и легчайшій способъ для ея познанія и опредѣленія; наградила ихъ божественною силою, съ существованіемъ каждого неразлучною, умѣющею пребо-
вать и отрицать, никогда не выходя изъ границъ сущей потребности въ обоихъ случаяхъ, и неусыпно пекущеюся о цѣлости и спрочайшей невредимости въ кругу жительства и господствованія своего.

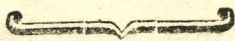
Человѣкъ по роду своего образованія и по его способности къ мысленной равно какъ и къ тѣлесной дѣятельности имѣетъ весьма обширное поле для доспаечнаго упражненія той и другой. Обѣ безъ сумнѣнія имѣютъ свою цѣну и свою пользу; одна изъ нихъ для человѣка не обходима, другая прилична ему. Обѣ, чтобы были дѣйствительно полезными, пребываютъ нѣкоторой правильно-
сти въ производствѣ; а сія приобретается только наукою, безъ которой всякая дѣятельность не преминетъ сдѣлаться болѣе упоминательною, чѣмъ полезною. Каждый изъ насъ удобно признать можетъ, что тѣлодвиженіе для человѣка есть не только полезно, но даже необходимо. Изъ того однако не слѣдуетъ, чтобы всякое движеніе всякому равно полезно было могло. Мѣра, относительно къ силамъ и способности каждого; видъ, приличествующій

полу, возрасту и соспоянiю; время, касательнo продолженiя онаго и удобности по дневному его раздѣленiю, и нѣкоторыя другiя обспоятельствва необходимо должны входить въ соображенiе при назначенiи или добровольномъ онаго выборѣ. Все сiе соспавляетъ правильность, доспавляющая дѣйствительную пользу, а не напрасное или не совмѣстное и слѣдовательно вредное упружденiе, правильность, наукою приобрѣтаемая. Самое даже грубое шѣлодвиженiе, шѣлесными шрудами или работою называемое, доброю и успѣхомъ, а попому всею пользою своею, правильности долженствуетъ, безъ которой сколько напрасныхъ, упомляющихъ, бесполезныхъ поповъ! правильность же и въ сихъ дѣйствiяхъ науками или опытомъ, весьма впрочемъ запруднительнымъ симъ способомъ, приобрѣтается.

Ежели столь грубое, шѣлою массою нашего шѣла или его членовъ производимое движение тогда только дѣйствительную пользу, успѣхъ и добропу ихъ общаетъ, когда основывается оное на правильности или соразмѣрности по разнообразнымъ опношенiямъ, во взаимной связи соспоющимъ и не раздѣльнымъ; чпожъ должно разумѣть о дѣятельности душевной, которую соспавляетъ не поспижимое нѣкоторое умодвиженiе? нѣтъ сумнѣнiя, чпо природа положила и шупъ способность къ принятию правилъ, по которымъ оное во всѣхъ ума качестввахъ и дѣйствiяхъ совершается и можетъ и долженствуетъ; и безъ которыхъ оное движение, равно какъ и его произведенiя, лучше

хаоса ничего предсавити не могутъ, для избѣжанія котораго весьма полезно молодому человѣку привыкать за-
благовременно къ строгой правильности мыслеобращенія,
на пошъ конецъ, дабы въ свое время заключенія его спа-
новились праведными, а его сужденія могли бы назваться
здравыми; здравое же сужденіе есть первѣйшее достоин-
ство мыслящаго, которое пакъ же приобретаеся иногда
и опытами, но съ великою трудностію и весьма продол-
жительно; наука напропивъ того весьма облегчаеъ
и несравненно сближаеъ драгоценное сіе приобретіе,
лишь бы только при ней не была поперяна изъ вида
основательность, безъ которой всякая дѣятельность ума
сосавитъ весьма не завидный паланъ, яко безпрестанно
имѣющій нужду въ помочахъ или въ добромъ путе-
водителѣ.

Павелъ Шумлянскій.

Critique et Défense de l'Histoire.

Des écrivains de beaucoup de mérite ont publié de bons ouvrages sur la manière d'écrire l'histoire et sur celle de la lire. Tout le monde connaît ceux de Condillac et de Mably. On a aussi traité avec plus ou moins de succès les autres questions qui touchent à cette science. Mais les discours de S. Réal et surtout le petit nombre de pages de d'Alembert ont remporté les suffrages de tous les gens de goût. Oserai-je venir après eux moissonner dans une partie du même champ où ils ont laissé si peu de choses à recueillir? Aurai-je le bonheur de rencontrer une seule idée nouvelle et utile qui puisse faire excuser ma témérité? On regarde communément l'histoire comme le genre le plus facile de la littérature; je voudrais prouver le contraire: l'histoire a beaucoup de détracteurs; je voudrais leur persuader qu'ils ont tort. Dans cette discussion, je n'assujettirai pas ma pensée à un ordre sévère; j'omettrai une foule d'argumens connus; je tâcherai d'être clair et j'emploierai cette simplicité de langage qui exclut l'art des sophismes.

L'histoire est un des genres de littérature qui a le plus de lecteurs, et c'est certainement celui de tous qui contribuerait le plus au perfectionnement de chaque individu en particulier et à celui des grandes sociétés humaines en général, si on prenait la peine de réfléchir sur les leçons que nous donne la variété des tableaux qu'elle présente. Mais les gens du monde lisent plutôt par désœuvrement que par besoin : ils ne sentent ni l'importance de l'histoire, ni les difficultés qui accompagnent son étude. Ceux même qui s'en occupent un peu prennent un livre historique à-peu-près comme on prend un roman ; je pourrais même dire sans crainte de me tromper, avec moins de plaisir, et le quittent bientôt après la tête aussi vuide d'idées que s'ils avaient lu les contes de Perrault ou les rêveries d'Anne Radcliffe. Il est vrai que la plupart des livres décorés du titre d'histoire sont bien peu faits pour porter à la réflexion ceux qui n'en ont pas l'habitude, et qui regardent comme une peine l'exercice de la pensée. Les usages, les loix, les mœurs, le commerce, les finances, l'agriculture, la population, les arts, les sciences, les lettres, en un mot tout ce qui sert à faire connaître la condition des peuples et l'état de l'esprit humain devrait être inséparable du tableau des guerres et des révolutions qui dans tous les siècles ont changé plus ou moins le sort des hommes. Comment en effet juger de l'influence des bouleversemens politiques sur nos destinées, lorsque nous manquons de toutes les données nécessaires pour apprécier et l'état de la société qui les a précédé et l'état qui les a suivis. Malheureusement les historiens du tems

passé ont négligé de nous instruire à cet égard et l'on est forcé de suppléer à leur silence par des recherches pénibles qui ne procurent que peu de lumières et qui souvent nous laissent errer dans le vague des conjectures. A la place de ces détails instructifs que trouve-t-on? des batailles, des sièges, des traités de paix, des généalogies, des mariages et une foule d'événemens sans importance racontés en stile de gazette. Toutes ces choses font bien partie plus ou moins de l'histoire, mais ne sont pas l'histoire. Encore on accumule dans leur récit tant de circonstances insignifiantes et qui n'ont eu aucune influence sur les grands résultats, qu'il n'est point rare de trouver des personnes qui ne pouvant démêler le fait principal au milieu de tous les accessoires inutiles dont il est entouré, oublient celui-ci pour ne s'occuper que de ceux-là. Mais ce ne sont pas seulement les particularités des faits qui sont mal choisies, ce sont souvent les faits eux-mêmes. Est-ce que tout ce qui se passe dans le monde est digne d'être raconté? La vanité peut bien le persuader à un souverain, à un ministre, à un général d'armée, peut-être même à un maire de village: elle peut bien faire insérer dans un livre de commande de ces petits traits que la flatterie s'est efforcée dans tous les tems de faire passer pour de grandes actions; ce n'est point chargé de ce bagage là qu'on marche à la postérité. Les brillantes bagatelles ne sont faites que pour amuser les oisifs: elles disparaissent avec le jour qui les a produites; et le philosophe qui tient d'une main sévère le burin de l'histoire ne retrace que les faits qui peuvent servir d'instruction au genre humain. C'est cette

fièvre de vouloir tout enrégistrer dans les annales de l'histoire qui fit dire autrefois à d'Alembert qu'il serait à désirer que tous les cent ans on fit un extrait des faits historiques réellement utiles et qu'on brûlât le reste.

Je ne suis pas étonné que des gens de beaucoup d'esprit frappés de la manière dont en général l'histoire est écrite aient nonseulement de l'aversion mais même du mépris pour son étude. Outre les vices de composition que nous venons de remarquer, ils sentent encore que l'incertitude se mêle dans les détails des faits, et que la critique renverse quelquefois les faits eux-mêmes. Si la vérité, sont ils en droit de dire alors, est blessée dans le matériel de l'histoire, est-elle rendue plus fidèlement dans le tableau des caractères, dans celui du jeu des passions? L'est-elle dans l'exposé des motifs de guerre et de paix, dans celui des intrigues de cour, dans l'examen des causes qui bouleversent les empires?

Il faut l'avouer: la lecture rapide d'une mauvaise histoire est certainement bien propre à suggérer de telles objections, et il n'est point étonnant de rencontrer des personnes qui s'écrient pour ainsi dire comme Diderot dans l'éloge de l'auteur de *Clarisse*: „O Richardson! j'oserai dire que „souvent l'histoire est un mauvais roman, et que le roman „comme tu l'as fait est une bonne histoire. O peintre de la „nature! c'est toi qui ne mens jamais.“

Mais ces objections quelque spécieuses qu'elles soient au premier apperçu, ne retombent que sur les mauvaises com-

pilations historiques, et ne démontrent pas plus l'inutilité de l'histoire que de mauvais vers et de mauvais discours ne prouvent qu'il faille renoncer à la poésie et à l'éloquence.

La faiblesse de l'homme lui permet rarement d'atteindre à la perfection dans aucun genre. Mais quand il ne lui faut que de l'imagination et du sentiment pour imprimer à ses ouvrages le sceau du génie, ses succès sont plus faciles. C'est ainsi que presque tous les peuples de l'europe ont des chefsd'oeuvres en poésie: que les siècles d'ignorance ont produit des bardes dont les chants font encore notre admiration; et que l'éloquence de nos orateurs s'est quelquefois éclipsée devant l'éloquence rude d'un sauvage. Mais il n'est pas aussi aisé de réussir dans l'histoire. Ce genre demande plus que de l'imagination et de la chaleur: il exige un esprit entièrement philosophique, beaucoup de connaissances diverses, de l'élévation dans l'ame et un dévouement sans bornes à la vérité. Avant de s'y livrer, il faut avoir vécu lontems avec les hommes, avoir vu se dérouler sous ses yeux le tableau de leurs passions, savoir soulever le masque dont elles se couvrent pour les observer sous toutes les formes qu'elles empreuntent; il faut en un mot avoir assez d'expérience pour descendre dans les abîmes du coeur humain. Avec de l'esprit seulement on pourra être un narrateur agréable, mais on ne sera jamais un bon historien. Dans le feu de la jeunesse on produira un ouvrage d'imagination, mais on n'écrira pas une bonne histoire. Comment avant la maturité de l'âge posséder la réunion de tant de qualités

nécessaires pour ce travail? Voltaire composa sa *Henriade* à vingt ans et il en avait près de cinquante lorsqu'il entreprit son *Essai sur les mœurs et l'esprit des nations*. Hume avait médité longtemps sur la nature humaine et voyagé pour l'observer; il avait publié ses ouvrages philosophiques lorsqu'il écrivit l'histoire d'Angleterre à la quelle il doit toute sa réputation. C'est dans la force de l'âge que Bossuet traça en homme de génie son tableau éloquent des révolutions des empires; que Montesquieu exposa avec tant de profondeur les causes de la grandeur et de la décadence des romains; que Robertson indiqua avec tant de précision et de justesse par quelle gradation insensible la société en europe s'était recomposée après que tous ses liens, dissous à la chute de l'empire romain, avaient laissé introduire partout l'ignorance et la barbarie; que Raynal enfin, s'écartant de la route battue, étendit la sphère de l'histoire, et lui faisant embrasser tous les détails de l'administration des empires, eut la gloire de la faire contribuer plus directement à l'instruction de l'homme d'état et au bonheur des peuples.

Les grands hommes que nous venons de nommer sont parmi les modernes ceux qui tiennent le premier rang dans l'histoire. Il en est peu qui méritent d'être cités après eux. Chez les nations les plus éclairées, et dans le cours de plusieurs siècles on n'a vu qu'un très-petit nombre d'écrivains traiter ce genre selon les règles que lui ont imposé la raison et le goût, tandisque, toute comparaison gardée, les bons poètes ont été communs.

Cependant le nombre de ceux qui ont suivi la carrière de l'histoire est immense. Qui ne serait effrayé d'apprendre que plus de cent mille volumes ont été écrits sur la seule histoire de France, et qu'il doit en exister à-peu-près autant sur celle de chacun des autres états célèbres de l'Europe. Où sont cependant les peuples qui peuvent se vanter de posséder une histoire nationale écrite avec cette élégance, et ce qui vaut encore mieux, avec cet esprit de sagesse, d'équité et de philosophie qu'on doit trouver dans ces sortes de compositions? Les Anglais sont les seuls.

Cette prodigieuse multiplicité d'ouvrages historiques dont le plus grand nombre reste au-dessous du médiocre prouve incontestablement combien ce genre intéresse par lui-même. Malgré les objections tant de fois reproduites sur l'infidélité de ses tableaux, sur l'incertitude de ses développemens, le vulgaire des lecteurs, incapable d'apprécier ces reproches, se jettera toujours avec avidité sur ces sortes d'ouvrages, comme le vulgaire du peuple se plait à courir aux fêtes publiques et à tous les grands rassemblemens. Dans les deux cas, les uns et les autres voient passer devant leurs yeux une variété infinie de personnages divers sans que leur ame en reçoive la moindre impression. Ce sont des enfans qui assistent à un spectacle de lanterne magique: ils s'amuse et rien de plus. Mais amuser les gens du monde est déjà quelque chose, et quand on ne considérerait un moment l'histoire que sous ce point de vue, comme elle fournit un délassement aussi noble qu'agréable, elle tiendrait encore une place distinguée dans

la littérature; elle l'emporterait peut-être même en utilité sur tous les autres ouvrages de l'esprit, puis qu'il est impossible qu'elle ne donne à la longue aux lecteurs même les plus irréfléchis quelques connaissances positives.

Mais cette science mérite d'être envisagée sous des rapports plus importants que le plaisir qu'elle peut procurer aux oisifs. Tous les hommes qui occupent un rang dans la société, tous ceux qui se font un devoir de cultiver leur raison en reçoivent, chacun suivant la tournure de leur caractère et la nature de leurs fonctions, des avantages inappréciables.

Quel est en effet le fondement des connaissances humaines? l'observation des faits de tout genre soit dans l'ordre moral, soit dans l'ordre physique. Avant de poser des principes et de former des théories, il a fallu se contenter de recueillir beaucoup d'expériences, et c'est par elles que les siècles passés servent à l'instruction de l'âge présent. Sans elles nous serions condamnés à une enfance perpétuelle puisque notre vie est trop courte pour tout appercevoir et notre esprit trop étroit pour tout combiner. Mais nous avançons peu-à-peu vers ce perfectionnement indéfini, que je me plais à regarder comme la destination de l'espèce humaine, parce que nous savons nous emparer des idées utiles de nos pères et ajouter à leurs richesses les nouvelles que nous acquérons. L'histoire est le répertoire de toutes ces idées, et c'est par-là qu'elle exerce une si grande influence sur la destinée des individus et sur celle des empires.

Il est vrai qu'elle ne se borne pas à mettre sous nos yeux le trop court tableau de ce qui est bon et utile en soi-même; ses annales sont encore grossies de toutes les fautes et de tous les crimes que l'erreur ou la méchanceté humaine a pu commettre. Mais c'est précisément parceque l'histoire présente à côté du bien le long et humiliant catalogue de nos folies, qu'elle accomode ses instructions à la faiblesse de notre nature, et qu'elle est si éloquente dans les leçons qu'elle nous donne.

Y a-t-il beaucoup d'exemples que nous ayons atteint la vérité dans quelque genre que ce soit sans avoir parcouru auparavant le cercle de toutes les erreurs? Ne sommes nous pas à cet égard comme des joueurs qui épuisent toutes les chances de la mauvaise fortune avant d'en obtenir une bonne? Mais nous avons du moins cet avantage qu'étant avertis par l'histoire il ne dépend que de nous de devenir meilleurs que nos pères. Les grandes fautes vues dans le lointain sont un fanal qui brille au milieu des ténèbres et nous avertit des écueils qu'il faut éviter. Ainsi la dépopulation et la pauvreté de l'Espagne qui ont suivi l'expulsion des Maures et celle des Juifs; ainsi la révocation de l'édit de Nantes à laquelle on attribue avec raison la ruine des manufactures françaises vers la fin du règne de Louis XIV; ainsi les guerres religieuses qui ont dévasté l'Allemagne ont appris aux souverains que toute persécution exercée contre des opinions ne produit que des maux, tandis que la tolérance peuple les états et les enrichit. C'est sans doute à la connaissance des

malheurs qui accompagnent le système contraire que la Russie doit cette heureuse et paisible constitution sous laquelle tous les citoyens sans distinction de sectes sont appelés au service de la patrie.

Il faut l'avouer : si l'état des sociétés humaines s'améliore, si ceux qui sont chargés de leur gouvernement les dirigent avec plus de sagesse, c'est que les sciences politiques, qu'on peut regarder comme de création nouvelle, ont fait sortir des pages de l'histoire une foule de vérités auparavant méconnues. Des souverains habiles s'en sont emparés, ont organisé d'après elles l'administration de leur empire, et les peuples développant alors toute leur énergie ont fait fleurir les lettres, les sciences et les arts de tout genre base fondamentale de la richesse et de la prospérité des nations. Par un contraste frappant les peuples dont les chefs ont dédaigné de suivre les règles fondées sur le témoignage de l'histoire sont restés dans l'abrutissement et la misère.

Où l'homme d'état trouverait-il ailleurs que dans l'histoire le tableau de la situation, de l'étendue, du sol, du climat, du tempérament, du génie, des mœurs et des idées de chaque peuple? Comment sans son secours connaîtra-t-il les traités qui les lient les uns aux autres? Comment jugera-t-il de leurs intérêts réciproques, de ces intérêts qui décident seuls des affections nationales et qu'il ne faut jamais perdre de vue? Comment concevra-t-il les rapports qui ont existé entre eux, les causes qui les ont détruits et celles qui

pourraient ou les renouveller ou en établir de différens ? Comment décidera-t-il des prétentions respectives des souverains s'il ne peut remonter à leur source ? Comment fera-t-il avec avantage des traités d'alliance ou de commerce s'il ignore les dispositions des traités antérieurs et l'influence qu'elles ont eu sur la prospérité générale de l'état ? certainement l'histoire aide la prévoyance du politique. En lui montrant les causes et les suites d'un nombre prodigieux d'événemens de tout genre, elle lui donne l'expérience du passé, et cette expérience lui sert à calculer les conséquences probables des faits qui se passent sous ses yeux ; elle lui sert à percer dans l'avenir ; elle lui donne comme un certain talent de divination.

Il est vrai que souvent on devine fort mal ; et lors même qu'on parait avoir calculé toutes les chances d'un événement, survient une cause frivole et ridicule qui déränge toutes les combinaisons et amène un résultat inattendu. Souvent une bagatelle remue le monde. A la fin de la guerre de la succession d'Espagne n'est-ce pas une paire de gants qui fit faire à l'Angleterre une paix séparée avec la France. Mais que prouve cet exemple et cent autres qu'on pourrait alléguer ? que l'art de conjecturer en politique est soumis comme toutes les choses humaines aux caprices du sort, et qu'il ne faut jamais oublier de faire la part de celui-ci dans le calcul des événemens. Mais il n'en est pas moins incontestable que la prévoyance est une vertu de l'homme d'état et qu'il la doit presque toujours à la science de l'histoire.

Ce n'est pas tout : que ferait le politique ? que feraient le législateur et le moraliste s'ils ne connaissaient pas le coeur humain ? Cette connaissance n'est-elle pas aussi indispensable au premier, même pour cet art de conjecturer dont nous venons de parler, qu'elle l'est aux deux autres pour poser des principes exacts et faire des loix raisonnables ? Or l'étude de la nature humaine est la plus difficile de toutes, et on ne conçoit pas pourquoi on rejetterait à son égard l'instruction que l'histoire peut nous donner. Les hommes des siècles passés ne ressemblaient-ils pas aux hommes d'aujourd'hui ? et croirions-nous que nos petits-neveux pourraient être différens de nous-mêmes ? Les gouvernemens, les loix, les usages, les moeurs peuvent changer, mais le coeur humain ne change jamais. Toujours il sera livré aux mêmes désirs, aux mêmes faiblesses, aux mêmes passions. La Bruyère a peint fidèlement nos contemporains dans ses immortels caractères tracés vers le milieu du dix-septième siècle : et Théophraste qui peignait les Grecs il y a plus de deux mille ans nous a véritablement peints tels que nous sommes : il n'y a, comme un écrivain l'a déjà dit, que les habits de changés. Ainsi en lisant les annales des tems passés, le politique, le législateur, le philosophe, le moraliste, tous ceux en un mot qui aiment à réfléchir apprendront par les faits à connaître le genre humain. Et plut à dieu que cette étude n'inspirât jamais que de l'amour pour nos semblables ! Ce sont les faits qui font paraître chaque passion sous la physionomie qui lui est propre ; ce sont les faits qui font sortir les caractères ; ce sont les faits qui nous découvrent une

multitude de phénomènes moraux relatifs à notre être dans les différentes situations de la vie, impénétrables aux yeux d'un observateur vulgaire, mais nécessaires, comme le fil d'Ariane, pour nous conduire sûrement dans le labyrinthe du coeur. Aussi Montaigne appelait-il l'histoire *l'anatomie de la philosophie, par la quelle les plus abstrusés parties de notre nature se pénètrent.*

Mais, dira-t-on, nous n'avons qu'à regarder autour de nous et à nous replier sur nous-mêmes, nous aurons bientôt fait la triste connaissance du coeur humain. Nous verrons qu'il renferme les contradictions les plus manifestes; qu'il est composé de grandeur et de petitesse, de bonté et de malice; que parmi les hommes s'il y en a de véritablement honnêtes et d'éclairés, beaucoup aussi sont ignorans, crédules, ambitieux, trompeurs et méchans: que même parmi ceux qui se targuent de quelques vertus, il en est qui n'en ont que le masque. Qu'apprendrons-nous de plus par l'histoire? -- Cette opinion est sévère, et il est affligeant de dire que l'histoire ne la confirmerait que trop si on jugeait de l'espèce humaine uniquement par le plus grand nombre des personnages dont elle recueille les noms. C'est sans doute ce qui a fait dire depuis longtemps que l'histoire était *la satire du genre humain.* Mais sans disputer ici sur le plus ou le moins de perversité de nos semblables, sans examiner si les vertus l'emportent sur les vices, questions étrangères à mon sujet, bornons nous à remarquer que l'histoire est d'une nécessité indispensable dans la science de l'homme.

La nature aussi féconde et aussi variée dans ses combinaisons morales qu'elle l'est dans ses combinaisons physiques multiplie les caractères et les esprits sous toutes les faces possibles. Où sont les personnes qui jettées dans le tourbillon du monde sans ces connaissances préliminaires, sans cette habitude de la réflexion que donne l'histoire étudiée avec soin, sont capables d'observer les nuances qui différencient tant d'individus entre eux? Nos yeux distinguent la variété des traits du visage; mais ils ne peuvent distinguer la variété des traits de l'ame. C'est l'histoire qui nous apprend à reconnaître ceux-ci. Elle nous offre dans tous les siècles une foule d'exemples des différentes modifications des esprits et des caractères: elle nous fait saisir leurs signes distinctifs: elle les fixe dans notre souvenir par les applications particulières et lorsque nous sommes rentrés dans le grand monde il suffit d'un jugement sain pour tirer parti de l'instruction que ses tableaux nous ont donnée. Envain dirait on que ses portraits sont souvent infidèles; cela peut être par rapport à l'individu qu'elle peint. Mais si le caractère qu'elle lui suppose est dans la nature, qu'est-ce que cela fait à la vérité générale? Celle-ci n'est réellement blessée que par les peintures chimériques en elles-mêmes.

Sont ce là tous les avantages qu'on retire de l'histoire? non sans doute. L'histoire nous montre encore l'homme dans les différens degrés de civilisation, l'homme depuis l'état sauvage jusqu'à l'homme rassemblé en grandes familles et plus ou moins perfectionné par les institutions sociales, par

les arts et par l'étude des sciences. Ce tableau n' est pas un simple objet de curiosité. Examiner par quelles gradations insensibles la société générale s'est formée; examiner comment l'étendue de la terre, la variété de ses climats et de ses productions, les accidens de la nature et les caractères différens des peuples ont forcé l'espèce humaine à se partager en grandes masses et à vivre sous des gouvernemens divers; examiner quelles loix ces gouvernemens se sont donnés, quelle influence ont eu sur elles les besoins, les opinions, les préjugés, les mœurs, les usages; et réciproquement l'influence que ces loix ont exercée sur ces circonstances particulières à chaque peuple; examiner enfin la rivalité qu'une différence de besoins, de loix, de gouvernemens et d'intérêts a dû produire entre les diverses sociétés politiques, et le mouvement vital qu'imprime au genre humain cette rivalité, voilà certainement des objets aussi dignes de l'attention du législateur que du philosophe.

Il ne peut être indifférent ni à l'un, ni à l'autre, d'observer qu' outre les grandes révolutions politiques, il se fait une révolution lente dans l'esprit des hommes qui appartiennent à une même société; que par là les goûts, les opinions et les coutumes changent sans cesse; que dans un siècle les esprits sont emportés d'un mouvement général et presque irrésistible vers un objet, et dans le siècle suivant vers un objet contraire; que la politique parconséquent qui doit être l'art de mettre en jeu les passions des hommes pour les conduire au plus grand bonheur qu'ils peuvent atteindre, ne doit jamais perdre de

vue ce mouvement, mais régler ses pas d'après lui et même le diriger, si elle le peut.

D'un autre côté quelle instruction ne tirons nous pas des efforts constants que les nations font contre les nations, de cette action et de cette réaction perpétuelles qu'elles ne cessent d'exercer les unes sur les autres, et qui finissant par entraîner la ruine même des plus puissantes, nous démontrent que les empires ont comme les hommes leur enfance, leur âge viril, leur vieillesse et leur mort. A travers ces continuels bouleversemens, on apperçoit les causes qui ont amené l'établissement des différens peuples, celles qui ont produit leur grandeur, celles enfin qui ont préparé et hâté leur chute. On suit les progrès de l'esprit humain ou ses pas rétrogrades dans les sciences, dans les arts utiles, dans les arts d'agrément: on remarque les causes qui l'ont fait passer, comme les empires, par une suite de révolutions dont les unes l'ont dégradé, l'ont menacé d'un abrutissement total, tandis que les autres ont perfectionné en lui cette belle prérogative par laquelle la divinité a voulu en quelque sorte rapprocher l'homme d'elle-même.

Voilà en général les objets que l'histoire présente à notre méditation. Est-on en droit maintenant de révoquer en doute son utilité? Certainement il y en a peu à retirer pour le commun des lecteurs de ces histoires écrites sans jugement, sans respect pour la vérité et sans but moral. Mais telles quelles sont, le philosophe ne les regarde encore pas

comme indignes de son attention. Pour lui, *les faits de quelque nature qu'ils soient sont une véritable richesse*, ainsi que l'a observé Diderot. Il tire parti d'un mauvais ouvrage historique comme un homme d'esprit sait profiter de la conversation d'un ignorant ou d'un sot.

Mais jusqu'ici nous n'avons considéré l'histoire que par rapport à l'esprit. Considérons la un moment avant de finir par rapport au coeur, et nous verrons que sous ce nouveau point de vue elle ne mérite nullement nos mépris. Dans la revue des sages et des fous, des bons et des méchants, des savants et des idiots, de tous ceux en un mot qui ont eu le bonheur ou le malheur d'être enrégistrés dans ses annales, pour qui le coeur humain se passionne-t-il? N'est-ce pas pour le bon prince, pour le ministre intègre, pour le magistrat incorruptible, pour le soldat plein de bravoure et d'humanité? N'est-ce pas pour l'homme public ou l'homme de génie, bon citoyen, bon père, bon époux, bon fils, bon ami? n'est-ce pas enfin pour l'homme sage qui sort de la vie après avoir donné au monde le sublime exemple de la vertu enviée, persécutée, malheureuse, mais inébranlable dans le bien? Ces grands caractères frappent, intéressent, attachent: ils réveillent dans nous tous les sentimens nobles, source du bon, du beau, de l'honnête: ils nous élèvent au dessus de l'humanité. Ne faut-il pas qu'il ait été inspiré par eux ce philosophe de l'antiquité qui écrivait: *Dans le coeur de l'homme juste, je ne sçais quel Dieu, mais il existe un Dieu.*

Et lors que notre ame se trouve ainsi exaltée par le sublime des grandes actions, de quelle haine ne poursuivons nous pas le méchant malgré ses succès? De quelle indignation ne sommes nous pas frappés au récit de ses noirs complots, de ses bassesses et de ses crimes? Qui voudrait être Mélitus aulieu de Socrate et Néron aulieu de Sénèque? C'est ainsi que l'histoire sème dans nos coeurs des germes de vertus: c'est ainsi qu'elle venge la mémoire de l'homme de bien, et flétrit celle du tyran. Et si ceux qui se chargent de l'écrire n'étaient animés que par l'amour de la vérité, s'ils employaient toute la chaleur de leur ame et les talents de leur esprit à inspirer de l'horreur pour le vice en le peignant sous les couleurs odieuses qui lui conviennent, son influence sur nos moeurs, sur nos opinions, sur toute notre existence morale aurait encore des résultats plus satisfesants. Mais entraîné par la foule des préjugés, l'historien prodigue quelquefois la louange aux forfaits les plus exécrables, et le blâme aux actions les plus justes. Comment obvier à cet inconvénient, dira-t-on? Comment empêcher que cette science qu'on prétend faite pour rendre l'homme meilleur, ne corrompe sa bonté naturelle? D'un côté les jugemens de l'historien nous égarent, et de l'autre le succès des grands criminels nous invite à les imiter. -- Le succès des grands criminels! lisez donc la fin de Caligula, celle de Claude, de Néron, de Galba, d'Othon, de Vitellius; lisez la fin de tous ces empereurs grecs que la violence et le crime avaient placés sur le trône; lisez la fin de mille autres individus qui ont été le fléau et l'opprobre du genre humain: et lorsque

vous voyez quelque monstre triomphant au milieu de ses forfaits, attendez, suivant le conseil de Solon, la fin de sa carrière pour prononcer qu'il fut heureux. Il en est sans doute que les apparences peuvent faire regarder comme ayant joui d'un bonheur constant; mais c'est le cas d'appliquer cette belle pensée de Socrate rapportée par Tacite : *Si l'on ouvrait l'ame des tyrans, on la verrait déchirée de mille blessures : la cruauté, la débauche, l'injustice ne font pas sur elle une impression moins douloureuse que les fouets sur le corps.*

A l'égard des jugemens de l'historien, pour les rendre indépendans de ses passions et de ses préjugés, formons le vœu qu'on ramène tous les faits à un seul centre, qu'on transporte dans l'histoire le principe aussi simple que fécond que Jérémie Bentham a posé pour base de toute législation raisonnable et philosophique, le principe de *l'utilité générale* dans le sens qu'il lui donne. Alors l'historien de quelque pays, de quelque secte, de quelque profession qu'il soit, n'émettra jamais d'opinion qui ne soit en harmonie avec la morale universelle.

Mais que de statues élevées à l'ambition ou au crime seront renversées par l'adoption de ce grand principe ! Ils ne seront plus l'objet de notre admiration ces guerriers fameux qui ont ravagé le monde et dont l'ambition sans borne s'est jouée de la vie des hommes : l'illusion des conquêtes cessera ; les peuples ne proclameront véritablement grand

que le Prince qui n'a point séparé son bonheur de celui de ses sujets, que le Prince dont les actions n'ont point contrarié le principe régulateur de Bentham. Heureuse Russie ! tu peux, dévancat la postérité, donner un si rare éloge au Monarque qui préside à tes destinées. Héritier des grandes pensées de Pierre I et de Catherine II comme il l'est de leur sang, il achève d'établir ton bonheur sur la base la plus durable, l'instruction publique. Catherine et Pierre en appelant dans ton sein des artistes, des savans et des littérateurs étrangers, n'avaient, pour ainsi dire, accordé aux lettres, aux sciences et aux arts que le droit d'hospitalité. Alexandre fait plus, il les naturalise. L'établissement des universités, dont toute la gloire lui appartient, assure pour toujours à ce vaste empire une succession continue d'hommes éclairés dans tous les genres, et la Russie désormais n'a plus rien à envier à l'Europe savante.

A. Du Gour.

П Е Р Е В О Д Ъ.

Критика Истории и ея защищеніе.

Писатели съ великими достоинствами, издали въ свѣтъ привосходныя творенія о способѣ писать Исторію и-оную чипать. Всякому извѣстны сочиненія Кондильяка и Маблія. Равномѣрно и другіе вопросы, касающіеся до Исторіи были обрабатываемы съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ; но рѣчь Сентъ-Реаля, а особливо небольшое число страницъ Даламбергомъ написанныхъ приобрѣли одобреніе всѣхъ людей со вкусомъ. Дерзну ли я идти и пожинать въ томъ краю поля, въ которомъ они споль мало оставили для собиранія? Буду ли имѣть щастіе воспользоваться хотя одну мысль новую, полезную и могущую извинить мою дерзость? Исторію почищаютъ обыкновенно самою маловажною и легкою отраслю Словесности; я желалъ бы доказать противное. Она имѣетъ множество хулителей; я хотѣлъ бы увѣрить ихъ, что они во мнѣніи своемъ заблуждаются. Не стану въ семъ изслѣдованіи подвергать моихъ мыслей спротому порядку; пропущу множество доказательствъ уже извѣстныхъ; постараюсь соблюдать ясность и ну предложу въ языкъ, которая исключаетъ всякое Софистическое искусство.

Исторія есть отрасль Словесности, имѣющая самое великое число чипателей, и она бы дѣйствительно болѣе

всѣхъ другихъ споспѣшествовала къ усовершенію какъ всякаго частнаго человѣка въ особенності, такъ и великихъ человѣческихъ обществъ вообще; еспѣлибы принимали на себя прудъ размышлять о тѣхъ наспавленіяхъ, кои даеиъ намъ многоразличностъ изображеній еіу предлагаемыхъ. Но занимающіеся свѣпомъ люди читаюиъ болѣе оиъ праздноспи нежели оиъ необходимости; они не чувспвуютъ важностпи Испоріи, ни прудностпей сопряженныхъ съ ея изученіемъ. Даже и тѣ, копорые еіу сколько нибудъ занимаютъся, берутъ въ руки испорическую книгу почпи такъ, какъ романъ и могу сказать не ошибаясь, еще гораздо съ меньшимъ удовольствіемъ. Попомъ въ скоростпи оную бросаюиъ, и умножаюиъ свои познанія не болѣе, какъ еспѣлибы они читали сказки Перрольповы или мечпанія Анны Радклифъ; хотя и по справедливо, что большая частъ книгъ, украшенныхъ именемъ испоріи, весьма мало способны къ возбужденію размышленія тѣхъ людей, кои не привыкли къ сему и кои упражненіе мыслей поспавляютъ за прудъ. Обычаи, нравы, поргволя, государспвенныя богатспва, землепашспво, народоправленіе, искуспва, науки, словесностъ, словомъ: все, что служииъ къ показанію положенія народовъ и соспоянія ума человѣческаго, должно бы было неразлучнымъ быиъ съ карпиною браней и перевороповъ, копорые во всѣ вѣки болѣе или менѣе перемѣняли судьбу человѣка. И въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ судииъ о дѣйспвіи перемѣнъ полипическихъ надъ нашимъ жребіемъ, еспѣли мы лишены всѣхъ средствъ необходимыхъ для того, что бы

умѣнь даць цѣну состоянію предшеспвовавшему обще-
житію и бывшему послѣдствіемъ онаго? Къ нещасію
испорики пропекшихъ временъ не спаралися оспавишь
намъ ничего, отъ куда бы мы могли почерпавъ испори-
ческія знанія и заспавляюць насъ чрезъ то замѣнянь
ихъ молчаніе многотрудными разысканіями, копорыя об-
ясня мало, часпо заспавляюць насъ носипсья по волнамъ
догадокъ. Чпо же найдемъ вмѣсто сихъ поучительныхъ
подробностей? Сраженія, осады городовъ, мирные догово-
ры, родословія, браки и множеспво неважныхъ произше-
спвій расказываемыхъ газетнымъ слогомъ. Всѣ сіи вещи,
безъ сомнѣнія, соспавляюць болѣе или менѣе часпъ испо-
ріи, но не соспавляюць еще самой Испоріи. При томъ же
въ повѣспспованіяхъ объ оныхъ сполько совокупляюць
обспояпельствъ ничего незначащихъ, не имѣющихъ
ни малѣйшаго вліянія въ важныя послѣдствія, чпо не-
рѣдко иные чипапели, не могли распознать главнаго про-
изшеспвія посреди всѣхъ сихъ бесполезныхъ и поспорон-
ныхъ подробностей, забываюць объ ономъ, дабы зани-
маться сими послѣдними.

Но не только въ часпноспяхъ произшеспвія; въ са-
момъ произшеспвіи бываюць часпо выборъ не удаченъ!
Не ужели все случающеся въ свѣтѣ доспойно повѣсп-
спвованія? Безъ сомнѣнія, щеславіе можетъ увѣрить
въ семъ государя, миниспра, полководца и даже спароспу
сельскаго; оно можетъ помѣспипъ въ книгѣ писанной за
плапу пѣ неважныя дѣла, копорыя ласкапельспво во всякое

время спѣралось выдавать за великіе подвиги; но не съ такимъ напутствіемъ достигаютъ безсмертія въ потомствѣ. Блестящія бездѣлки сдѣланы для забавы праздныхъ; онѣ исчезаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ днемъ, въ который получили свое бытіе; а мудрецъ держащій строгою рукою реzeцъ Исторіи изображаетъ только дѣла, могущія служить наставленіемъ роду человѣческому.— Буйство, хотѣль все писать въ лѣтописяхъ Исторіи, заставило нѣкогда д'Аламберта сказать: что желательно бы было, чтобы изъ всѣхъ сполнѣй сдѣлали извлеченіе историческихъ происшествій дѣйствительно полезныхъ, и что бы сожгли послѣднее.

Я не удивляюсь, что люди съ великимъ умомъ устранные способомъ, коимъ вообще Исторія писана, не только опроверженіе, но презрѣніе ощущаютъ къ изученію оной? Они видятъ, что, кромѣ замѣченныхъ мною недостатковъ въ сочиненіи, вкрадывается еще въ подробности дѣяній невѣрность, а крипика самыя дѣянія часто опровергають. Не въ правѣ ли они тогда сказать: если истина нарушена въ сущности Исторіи, то достовернѣ ли она напечатлѣна въ изображеніи игры спраспей? Достовернѣ ли въ изложеніи побужденій къ войнамъ и миру, въ описаніи придворныхъ интригъ, и въ разысканіи причинъ низвергающихъ царства?

Должно признаться, что быстрое чтеніе худой Исторіи весьма можетъ возродить подобныя возраженія;

и не удивительно, если мы встречаемъ такихъ, кои восклицаютъ, какъ восклицалъ Дидеротъ въ похвальномъ словѣ сочиненію Клариссы: о Ричардсонъ! я дерзаю утверждать, что часто Исторія есть худой романъ, и что романъ, подобный своему, есть прекрасная Исторія. Живописецъ природы! ты никогда не лжешь.

Но сіи возраженія, при всей ихъ благовидности при первомъ взорѣ, относятся только къ худымъ историческимъ собраніямъ, и не болѣе доказываютъ бесполезность Исторіи, какъ худые списки и худыя рисовскія рѣчи не доказываютъ, чтобы надлежало опускаться отъ списковъ и рисовки и краснорѣчія.

Слабость человѣческая рѣдко позволяетъ смертному достигнуть совершенства въ чемъ либо; но когда потребны только воображеніе и чувствительность для впечатлѣнія въ его твореніяхъ слѣдовъ творческаго дара, тогда успѣхъ его гораздо легче бываетъ. Такъ, почти всѣ Европейскіе народы имѣютъ творческія произведенія въ живописи; всѣ невольники производили Бардовъ, коихъ пѣсни до сихъ поръ насъ удивляютъ; краснорѣчіе нашихъ випей помрачалось часто краснорѣчіемъ грубыхъ дикарей. Но успѣхъ въ Исторіи не такъ легокъ. Сей родъ словесности требуетъ не одного воображенія и вообража; потребенъ умъ совершенно философической, много различныхъ знаній, возвышеніе въ духѣ, и безпредѣльная любовь къ истинѣ. Прежде, неже-

ли спанемъ его заниматься, попребно, чпо бы мы жили долгое время съ людьми, чпобы видѣли собственными глазами карпину ихъ спраспей, чпобы умѣли снимать маску, коею они себя прикрываютъ, дабы дѣлать наблюденія надъ ними во всѣхъ измѣненіяхъ ими принимаемыхъ: однимъ словомъ, попребно имѣть довольно опытноспи дабы быть въ соспоянніи ниспускатъ въ бездны челоѣческаго сердца. Имѣвши одинъ умъ, можно быть пріятнымъ повѣспивовапелемъ, но никогда хорошимъ испорикомъ; въ пламенной юносспи можно произвеспи превосходныя пворенія, коихъ dospoинспво основано на воображеніи; но не возможно написати хорошей Испоріи. Ибо, какъ въ не зрѣломъ возрастѣ соединяетъ въ себѣ сполько необходимыхъ для сего званія качеспвъ? Волперъ сочинилъ свою Генріаду въ двадцать лѣтъ, но ему было уже около пятидесяти въ то время, когда онъ предпринялъ свой опытъ о нравахъ и разумѣ народовъ. Юмъ долго размышлялъ о еспеспвѣ челоѣка, долго путешествовалъ, дабы дѣлать наблюденія надъ онымъ; философическія пворенія его были уже изданы въ свѣтъ, когда онъ писалъ испорію Англіи, соспавившую всю его славу.--- Въ зрѣлоспи возраста уже: Босюенъ начерпалъ пворческимъ духомъ свое краснорѣчивое изложение о перемѣнахъ царствъ; Монпескю изобразилъ съ пакою глубокомысленносспю причины величія и паденія Римлянъ; Робертсонъ показалъ съ пакою чрезвычайною точносспю и вѣрносспю нечувспвительную поспепенносспъ воспановленія въ Европѣ общеспва, послѣ того, какъ всѣ его связи бывъ

разрушены наденіемъ Римской Имперіи, попустили впогнупься повсюду варварству и невѣжеству; и наконецъ Реналь, усупранясь отъ обыкновеннаго пути, разширилъ кругъ испоріи, и, обнявши въ оной всю подробності правленія царствъ, имѣлъ славу споспѣшествовать непосредственнѣ къ наспавленію чловѣка гусударственнаго и къ благоденствію народовъ.

Сіи великіе люди занимаютъ между новыми писателями первую степень въ Испоріи; послѣ ихъ малое число заслуживаетъ бытъ упомянутымъ. У самыхъ Просвѣщенныхъ народовъ въ печеніи многихъ вѣковъ весьма не маого являлося писателей, копорые обрабатывали сей родъ словесности по правиламъ, начерпаннымъ вкусомъ и разумомъ, между тѣмъ, какъ судя со всею спрогоспію, можно сказаъ, что спихотворцевъ было повсюду множеству.

При всемъ томъ, число державшихъ въ поприще Испоріи необъемлемо. Кпо не изумимся, когда узнаемъ, что болѣе ста тысячъ помовъ написано одной Испоріи о Франціи, и что вѣроятпо не меньшее число существуетъ книгъ истпорическихъ о каждомъ знамени томъ Государствѣ Европы. Но гдѣ томъ народъ, копорой бы могъ похвалиться, что имѣетъ опечеспвленную испорію написанную съ такою изящностію, и, что еще болѣе, съ такою разсудительностію, справедливостію и философіею, какая должна бы находиться во всѣхъ сего рода сочиненіяхъ? кромѣ Агличанъ, никого не нахожу.

Сіе необыкновенное множество сочиненій историческихъ, изъ коихъ большее число ниже посредственныхъ, доказываеиъ не оспоримо, сколько занимаеиъ сей родъ словесности самъ по себѣ. Не взирая на споль часто возобновляемыя жалобы на непочность его изображеній, на недосповѣрность повѣсповованій, обыкновенные чипапели, неспособные чувспвовати всей важности сихъ упрековъ, будучиъ всегда бросаиъся съ жадностию на сей родъ сочиненій, подобно какъ проспый народъ любвиъ бѣгаиъ на праздниспа публичныя, и на всѣ большія спеченія. Тѣ и другіе видяиъ безконечное множество лицъ проходящихъ мимо ихъ взоровъ, но душа ихъ не получаеиъ опиъ того никакого впечатлѣнія. Это дѣиъи, увеселяющіеся зрѣлищемъ волшебнаго фонаря; ихъ сполько надобно забавляиъ. Но и забавляиъ людей занимающихся свѣтомъ, значиъиъ уже что нибудь; и еспли бы судиъиъ оиъ Истории съ сей сполько спороны, то она, доспавляя сколько благородное, сполько и пріятное опдохновение, занимала бы и тогда оплично мѣспю въ словесности, и превосходила бы, можеиъ быиъ, въ пользѣ всѣ другія произведенія ума. Ибо не возможно, чтобы она не доспавила наконецъ самымъ неразсудительнымъ чипапелямъ какихъ нибудь познаній.

Но сія наука заслуживаеиъ вниманіе гораздо по важнѣйшимъ причинамъ, а не по одному сполько удовольствию, которое доспавляеиъ празднолюбцамъ. Всѣ люди занимающіе въ общеспиъ опличныя спенени, всѣ пѣ,

кои поспавляють за долгъ улучшають свой разсудокъ, каждый по различію ихъ качествъ и по свойству ихъ должностей получають отъ нее неоцѣненныя выгоды. И въ самомъ дѣлѣ въ чемъ состоить основаніе познаній человѣческихъ? Въ наблюденій дѣяній всякаго рода, какъ въ нравственномъ, такъ и въ вещественномъ мірѣ. Прежде положенія началъ и сопавленія умозрѣній, надобно было довольствоваться собраніемъ только многихъ опытовъ, посредствомъ коихъ прошедшіе вѣки служатъ наспавленіемъ насъпоящимъ временамъ, безъ коихъ мы бы осуждены были на вѣчное дѣйствіе, ибо жизнь наша столь крапка что не можемъ всего обзрѣть, а умъ столь ограниченъ, что не можемъ всего сообразить. Мы приближаемся малу по малу къ сему неопредѣленному совершенству и мы вѣрнѣе взираемъ на оное, какъ на жребій человѣческаго рода; ибо, мы умѣемъ присвоить полезныя понятія нашихъ опцевъ, и присовокупляемъ къ нимъ богатствамъ новыя нами приобрѣтаемыя. Исторія есть хранилище всѣхъ сихъ понятій; сообщая ихъ потомству, она имѣетъ величайшее вліяніе въ судьбу частныхъ людей и цѣлыхъ государствъ.

Хотя и по справедливо, что она не ограничивается только крапкимъ начерпаніемъ всего добраго и полезнаго въ самомъ себѣ; хотя ея лѣтописи повѣспвуютъ такъ же о всѣхъ погрѣшностяхъ, о всѣхъ злодѣяніяхъ, копоры заблужденіе или злость могли породить; но самымъ симъ длиннымъ и унизипельнымъ изчисленіемъ нашихъ

пороковъ, вмѣстѣ съ добродѣтелями, она приспособляетъ свои наставленія къ слабой нашей природѣ, и является споль краснорѣчивою въ наставленіяхъ намъ подаваемыхъ.

Много ли есть примѣровъ, чтобы люди достигали истинны, въ какомъ бы то ни было родѣ, не прошедъ прежде поприща всѣхъ заблужденій? Не подобны ли мы съ сей стороны игрокамъ, подвергающимся всѣмъ непостоянствамъ худаго щастія, прежде нежели сдѣлается оно имъ благопріятнымъ? Но по крайней мѣрѣ выгода наша та, что бывши предохранены Испоріею, мы можемъ сдѣлаться благоразумнѣ нашихъ предшественниковъ. Великія ошибки, зримыя въ далекѣ, суть огненный маякъ, сверкающій во мракѣ, и увѣдомляющій насъ о подводныхъ камняхъ, коихъ намъ должно избѣгать. Такъ, раззореніе и нищета Испаніи, бывшія слѣдствіемъ изгнанія Мавровъ и Жидовъ; такъ, возобновленіе Нантскаго учрежденія, коему по справедливости приписываютъ упадокъ во Франціи Мануфактуръ въ концѣ царствованія Людовика XIV; такъ, войны за вѣру, опустошавшія Германію, доказали государямъ, что всякое гоненіе за мнѣніе рождаетъ однѣ бѣдствія, и что терпимостъ населяетъ и обогащаетъ царства. Россія одолжена безъ сомнѣнія знаменитымъ бѣдствіямъ, рождаемыхъ роппивною системою за щастливую и мирныя постановленія, въ коихъ всѣ граждане безъ различія сектъ, призываются на службу отечества.

Должно признаться, что еслили общества человѣческія здѣлались лучшими, еслили правители ихъ упра-

вляющѣ ими съ большимъ пропиву прежняго блаторазуміемъ, по причиною сему по, что науки полишическія, кои можно счищатъ совсемъ новымъ произведеніемъ, извлекли изъ Исторіи множесиво истинъ прежде неизвѣстныхъ; мудрые Государи приняли ихъ, и усщроили по онымъ правленіе своихъ царствъ, а народы, напрягши погда всѣ свои силы, здѣлали словесность, науки и искуства всякаго рода, служащія главнымъ основаніемъ богатству и щастію народовъ, процвѣтающими. Съ пропивной же стороны народы, коихъ главы не восхотѣли слѣдовать правиламъ основаннымъ на свидѣтельствѣ Исторіи, оспались въ варварствѣ и нищетѣ.

Человѣкъ Государственный гдѣ въ другомъ мѣстѣ кромѣ Исторіи, обрѣщепъ каршину положенія мѣстнаго, проспранства, пошвы, климата, свойства, духа, нравовъ и понятій всякаго народа? Какъ безъ ея помощи можетъ онъ знать о тѣхъ договорахъ, кои связываютъ общества между собою? Какъ можетъ онъ судить о тѣхъ выгодахъ, кои они находятъ одно въ другомъ, отъ коихъ зависипъ народная привязанность, и копорыхъ никому не должно перепъ изъ виду? Какимъ образомъ пойметъ онъ опношенія, копорыя между ими сущесствовали; причины, копорыя ихъ разрушили, и средства, копорыя бы могли воспановипъ падшія, или основать новыя? Какимъ образомъ рѣшипъ онъ о взаимныхъ предлогахъ и пребваніяхъ Государей, ещпи не поидетъ къ ихъ испочнику? Какимъ образомъ заключипъ онъ съ выгодною договоры

союзные или торговые, естли ему не извѣстно существо договоровъ предшествовавшихъ, и вліяніе, кое они имѣли во всеобщее благоденствіе государства? И такъ Исторія дѣйствительно помогаетъ прозорливости политика; она изображаетъ причины и слѣдствія неизчислимаго множества произшествій всякаго рода, сообщаетъ ему опытность прошедшихъ временъ, а сія опытность служитъ къ предусмотрѣнію вѣроятныхъ послѣдствій тѣхъ дѣяній, кои совершаются предъ его глазами. Она даетъ ему способность проникать будущее, и сообщаетъ нѣкоторый родъ пророческаго дара.

Справедливо, что часто вѣгдыванія бывають не всегда удачны; случается, что по изчисленіи всѣхъ возможныхъ окончаній произшествія, пущая и самая смѣшная причина разспроиваетъ всѣ связи, и производитъ послѣдствія совсемъ неожиданныя. Часто бездѣлица движетъ всѣмъ свѣтомъ. Въ концѣ войны за наслѣдство Испаніи не парали перчапокъ дѣлали то, что Англичане заключили особый миръ съ Франціею? Но что доказываетъ сей примѣръ и тысяча другихъ подобныхъ? Не то ли, что искусство предузнавать въ политикѣ подвержено, подобно прочимъ человѣческимъ вещамъ, своевольству случая, коего никогда не должно забывать при разчисленіи произшествій? — Однако и то не менѣе неоспоримо, что прозорливость есть достоинство государственнаго чловѣка, и что онъ черпаетъ ее почти всегда изъ науки объ Исторіи. — Но это еще не все: что бы могъ сдѣлать политикъ,

законодапель и нравоучитель безъ знанія челоувѣческаго сердца? Не одинаковую ли имѣютъ по потребности всѣ прое въ семъ знаніи, дабы бытъ въ состояніи полагать начала пвердыя и издавать законы мудрые? Наука челоувѣческаго сердца естъ самая прудная, и непонятно, для чегобы опвергать наснавленія, копорыя намъ Исторія можетъ дать въ семъ опношеніи? Не ужели люди пропекшихъ вѣковъ неподобны во всемъ нынѣшнимъ? Но уже ли мы повѣримъ, что наши правнуки могутъ бытъ различными опъ насъ? Правленіе, законы, обычаи, нравы могутъ перемѣняться — но сердце челоувѣческое никогда. Оно будетъ вѣчно предаваться тѣмъ же самымъ желаніямъ, тѣмъ же слабостямъ и тѣмъ же спраснямъ. Лаблюэръ съ точностію изображалъ нашихъ современниковъ въ его безсмертныхъ характерахъ, начертанныхъ около половины 18го столѣтія; и Теофрастъ, описывавшій Грековъ болѣе, нежели за двѣ тысячы лѣтъ, изобразилъ совершенно насъ и изобразилъ пакими, каковы мы въ самомъ дѣлѣ, а все различіе, по словамъ нѣкопорого писателя, въ одной одеждѣ. И пакъ чипая бытія временъ пропекшихъ, законодапель, полипникъ, философъ, нравоучитель, словомъ, всѣ тѣ, кои любятъ размышлять, научаются знать родъ челоувѣческій изъ дѣяній. Желательно что бы сія наука не внушала намъ никакихъ другихъ чувствъ, кромѣ любви къ подобнымъ намъ! Дѣла являютъ каждую спрасъ въ собспвенной ея Физіономіи; дѣла обнаруживаютъ Характеры; дѣла открываютъ намъ множество явленій нравспвенныхъ, касающихся до нашего бытія въ

разныхъ положеніяхъ жизни, непримѣнныхъ для глазъ пристрастнаго наблюдателя, но необходимыхъ, какъ нить Аріадны, дабы водить насъ въ безопасности по Лабиринту сердца. Монпанъ справедливо называетъ Историю *Анатомією Философій*, посредствомъ коей мы проникаемъ въ самыя сокровенныя части нашей природы.

Но скажутъ можемъ быть, что намъ только споить обзоръ все вокругъ себя, и сравнить себя съ другими, и мы приобретемъ весьма скоро познаніе человѣческаго сердца. Намъ откроется, что оно заключаетъ самыя разительныя противурѣчія; что оно состоитъ изъ смѣшенія величія и низкости, доброты и злости, и что есть ли между людьми по истинѣ честные и просвѣщенные, въ замѣну есть множество иевѣждъ, лежковѣрныхъ, честолобивыхъ, обманчивыхъ, и злыхъ; что даже между тѣми, кои щеславятся какою нибудь добродѣтелью, находится не мало имѣющихъ одну маску оной. Что же другое можемъ очерпнуть и изъ самой Истории? Сіе сужденіе жестоко; но должно признаться, хотя съ прискорбіемъ, что Исторія съ лишкомъ подтверждаетъ его, еслили судить о родѣ человѣческомъ единственно по большому количеству лицъ, описываемыхъ ею. Вотъ что безъ сомнѣнія родило мысль издавна извѣстную, что Исторія есть сапиръ рода человѣческаго. Но оставимъ споры о развращеніи намъ подобныхъ; оставимъ разбисканія, пороки ли или добродѣтель одержалъ верхъ? Сіи вопросы не принадлежатъ къ моему предмету: мы

ограничимъ себя тѣмъ, чѣмъ бы доказать, что Исторія необходима въ наукѣ о человѣкѣ.

Обильная и многобразная природа въ своихъ нравственныхъ и физическихъ соспавяхъ разумножила характеры и умы до безконечности, представляя ихъ во всѣхъ возможныхъ видахъ. Гдѣже такіе люди, которые, бывши, такъ сказать, повергнуты въ вихрь свѣта, безъ тѣхъ начальныхъ познаній, безъ того навыка размѣшлять, который даетъ Исторія со тщаніемъ изученная, были бы въ состояніи замѣтить миліоны оппѣнковъ, которые дѣлаютъ разность между миліонами существъ умонедѣлимыхъ?

Взоръ нашъ видѣтъ разнообразіе въ чертахъ лица, но не видѣтъ разнообразія въ чертахъ души; распознавать сіи послѣдніе научаетъ насъ Исторія, предлагая изъ всѣхъ вѣковъ множество примѣровъ различнаго образованія умовъ и характеровъ; дѣлая насъ способными видѣть опличительные ихъ знаки, запечатлѣвая ихъ въ памяти нашей частными приложеніями, такъ что по вступленіи нашемъ въ свѣтъ, довольно имѣть здравый разумъ, дабы извлечь выгоды изъ наставленій, находящихся въ ея описаніяхъ. Вообще бы возразили мнѣ, что ея изображенія часто бываютъ невѣрны; сіе можетъ спастись, касательно умонедѣлимаго существа ею описываемаго: но привсемъ томъ естли свойство, приписываемое сему существу, есть естественное, нарушилъ ли сіе истинну, взятую вообще, истинну копорая одними изображеніями химирическими нарушается?

Но не ужели въ семъ только заключается вся польза почерпаемая изъ Истории? Нѣтъ безъ сомнѣнія. Исторія показываеиъ также человека въ разныхъ степеняхъ образованія, начиная отъ состоянія дикаго до самого того, въ которомъ онъ соединился уже въ великія сѣмейства и болѣе или менѣе усовершенствованъ общественными постановленіями, искусствами и науками. Такая картина не есть предметъ одного любопытства. Разсматриваеиъ, какою неумѣнною постепенностію общество вообще образовалось; разсматриваеиъ, какимъ образомъ обширность земли, многообразность ея климатовъ и произведеній, случайныя явленія въ природѣ, и различныя свойства народовъ принудили родъ человеческой раздѣлиться на большіе толпы и жить подъ разными правленіями; разсматриваеиъ, какіе законы составили сіи правленія для себя, какое дѣйствіе на оныя имѣли нужды, мнѣнія, предразсудки, нравы, обычаи, и также какое дѣйствіе было самыхъ сихъ законовъ на частныя каждого народа обстоятельства; разсматриваеиъ наконецъ по соперничеству, которое разность въ нуждахъ, въ законахъ, въ правленіи и въ пользахъ должна была повести между различными политическими обществами, и эту вседвигущую живость, которую соперничество сіе рождаетъ въ родъ смертныхъ; вотъ по истиннѣ предметы достойныя не менѣе вниманія Законодателя, какъ и Философа.

Оба они не могутъ не замѣтить, что сверхъ великихъ переменъ въ политикѣ дѣлается еще переменна

медленная въ умахъ людей одного и тогоже общества; что посредствомъ оной, вкусы, мнѣнія и обыкновенія перемѣняются непрерывно; что въ одномъ вѣкѣ умы спре-
мялись всеобщимъ и почти непреоборимымъ напряжені-
емъ къ одному предмету, и что въ слѣдующемъ къ пред-
мету совершенно противоположному; что слѣдовательно поли-
тика, которая должна быть искусствомъ обучающимъ,
какъ играть справами людей, дабы привести ихъ къ
величайшему блаженству, коего они только достигнуть
могутъ, что политика, говорю, не должна никогда выпу-
скасть изъ виду сихъ напряженій, но согласовать съ оны-
ми все шествіе, и даже ими управлять, если возможно.

Съ другой стороны какихъ наспазленій не извлека-
емъ мы изъ разсмаприванія тѣхъ усилій, кои одни наро-
ды дѣлаютъ пропиву другихъ; изъ разсмаприванія без-
преспанныхъ дѣйспвій и пропивудѣйспвій между ими,
копорья, оканчиваяся паденіемъ часпо самыхъ могуще-
спвенныхъ, доказываютъ намъ, что царства, какъ
и люди имѣютъ свое дѣйспво, свою возмужалость,
свою старость и смерть. Сквозь всѣ сіи непрерывные
перевороты и разрушенія мы видимъ причины, поло-
жившія основаніе разнымъ народамъ, причины родившія
ихъ величіе, и причины, угоповавшія и совершившія ихъ
паденіе; слѣдуемъ за успѣхами разума человѣческаго, или
за его обратнымъ шествіемъ въ наукахъ, въ полезныхъ и
пріятныхъ искусствахъ; замѣчаемъ причины подвергав-
шія его, подобно цѣлымъ царствамъ, множеству пере-

мѣнѣ, изъ коихъ иные его унизили, и угрожали низвергнуть въ совершенное невѣжество, другіе же возвысили въ немъ то превосходное преимущество, коимъ Божество хотѣло нѣкопорымъ образомъ сближить челоѣка съ собою.

Вопъ тѣ предметы, кои Исторія намъ предлагаетъ на размышленіе. Возможно ли теперь, не нарушая справедливости, сомнѣваться въ ея пользѣ? Правда, что мало почерпнувъ можеъ обыкновенный чинапель изъ Исторій, на подобіе журналовъ, писанныхъ безъ разсудительности, безъ нравственной цѣли и безъ истинны; но философъ и оныхъ не почеетъ недостойными его вниманія, философъ, для коего дѣланія всякаго роду, сунъ неложное сокровище, какъ говориъ Дидеротъ. Онъ извлекаетъ что нибудь полезное изъ худаго историческаго сочиненія, подобно тому, какъ челоѣкъ съ умомъ умѣетъ пользоваться рѣчами невѣжи или глупца.

До сихъ поръ разсмапривали Историю въ ея отношеніи къ уму; разсмопримъ ее, прежде окончанія сего разсужденія, въ отношеніи къ сердцу; и мы увидимъ, что и въ семъ новомъ видѣ она ни мало не заслуживаетъ нашего презрѣнія. При взорѣ на умныхъ и безумныхъ, на добрыхъ и злыхъ, ученыхъ и невѣжъ, словомъ, всѣхъ, кои имѣли щастіе или нещастіе попастъ въ ея лѣтписи --- къ кому сердце чувствуетъ привязанность? Не къ доброму ли Государю, не къ справедливому ли Министру, не къ честному ли Судіи, не къ воину ли, исполненному мужества и любви къ роду челоѣческому? Не къ челоѣку ли, копорой полезенъ обществу, челоѣку съ творческими дарованіями, доброму гражданину, доброму опцу,

доброму супругу, доброму сыну и доброму другу; наконецъ не къ мудрецу ли, которъй и послѣ жизни остав-
ляетъ свѣту высокій примѣръ добродѣтели, бывшей пред-
метомъ зависти и гоненія, бывшей игралищемъ бѣдствій,
но непоколебимой въ добръ? Сии великіе характеры по-
ражающъ, занимающъ и привязываютъ къ себѣ; они воз-
буждаютъ въ насъ всѣ благородныя чувства, сей источ-
никъ всего добраго и честнаго и вознесаетъ насъ выше че-
ловѣчества. Безъ сомнѣнія ими будучи вдохновенъ, напи-
салъ одинъ философъ древности: я увѣренъ, что въ серд-
цѣ справедливаго обитаетъ нѣкій богъ, хотя я его не по-
спитаю. Но когда духъ нашъ приведенъ въ восхищеніе вы-
сокимъ изяществомъ великихъ дѣяній, какую ненависть
питаемъ мы къ злодѣю, не взирая на его успѣхи! Ка-
кое негодованіе движетъ наше сердце при повѣспивова-
ніи о его черныхъ заговорахъ, о его подлости и зло-
дѣяніяхъ! Кто захочетъ быть Мелипомъ между Сс-
крапами, и Нерономъ среди Сенекъ! Вотъ какимъ
образомъ Исторія насаждаетъ въ сердцахъ нашихъ сѣме-
на добродѣтелей; вотъ какимъ образомъ она опіимщаетъ
память друга человечества и посрамляетъ память пира-
на. — Еслибы тѣ, кои берутъ на себя трудъ пи-
сать оную, были одушевляемы любовью къ истинѣ, если-
бы они изтощали весь жаръ своей души и дарованія
ума, чтобы вдохнуть ужасъ къ пороку, живописуя его
омерзительными красками, ему приличными; то ея
вліяніе въ наши нравы, мнѣнія и нравственнаго бытія имѣло
бы еще спасительнѣйшія послѣдствія. Но часто историкъ
увлеченный тысячами предразсудковъ разпочаетъ похвалы

самому гнусному злодѣйству, а хулы самымъ добродѣ-
 тельнымъ дѣяніямъ. Какимъ же образомъ оспановишь сіе
 злоупотребленіе? вопросятъ меня; какимъ образомъ запре-
 пятъ спсывать, чтобы наука, кою мыслятъ бытъ созданною
 для улучшения человѣка, не испортила его природной доб-
 рошты? Съ одной стороны сужденія, ея произносимыя,
 приводятъ насъ въ заблужденіе; съ другой успѣхи вели-
 кихъ злодѣевъ увлекаютъ насъ къ подражанію имъ; —
 успѣхи великихъ злодѣевъ! — Но посмотрите на конецъ
 Калитулы, Кладія, Нерона, Гальбы, Опона, Випеллія; по-
 смотрите на конецъ всѣхъ Императоровъ Греческихъ,
 возведенныхъ на престолъ насиліемъ и пресупленіями,
 посмотрите наконецъ тысячи другихъ человѣковъ быв-
 шихъ бичемъ и стыдомъ рода смертныхъ, и еслили ви-
 дите иногда подобное чудовище поржествующимъ, дож-
 дитесь по совѣту Солонову окончанія его поприща, и пог-
 да рѣшите, былъ ли онъ щастливъ? Безъ сомнѣнія, су-
 дя по одной наружности, можно иногда думать, что нѣ-
 которые изъ нихъ наслаждались поспояннымъ блажен-
 ствомъ; но при семъ случаѣ, къ спашъ приведемъ на па-
 мятъ мысль Сократа, которую находимъ въ Тацитѣ,
 что, еслилибы можно было опкрытъ душу пиранновъ,
 то бы увидѣли ее перзаемую тысячами ранъ. Жесто-
 косъ, распустство, правосудіе дѣлаютъ не менѣ бо-
 лѣзненное впечатлѣніе въ ней, какъ удары на тѣлѣ.

Касательно того, чтобы сдѣлать сужденія Истори-
 ка независимыми отъ его спрасней и предразсудковъ;
 пожелаемъ, чтобы всѣ дѣянія были приводимы къ одно-
 му средопочію, чтобы принято было въ исторіи начало
 простое, но обильное, которое Беншамъ положилъ за осно-

ваніе всякаго мудраго и философическаго законодательства, начало общей пользы, въ данномъ ей отъ него смыслъ; тогда сужденія испорика, какой бы онъ ни былъ спраны, секты или соспоянія, будущъ всегда въ согласіи со всеобщемо нравспвенноспію.

Но сколько кумировъ воздвигнурыхъ честполюбію или злодѣйспву низвергнешя принятіемъ сего великаго начала. Не будущъ тогда предметомъ нашего удивленія тѣ знаменитые войны, кои раззоряли міръ сей, и копорыхъ безпредѣльное честполюбіе играло жизнiю людей; мечпа о славѣ побѣдъ исчезнетъ, и народы провозгласятъ великими тѣхъ только Царей, копорые щастіе свое и щастіе подданныхъ полагаютъ за одно; Царей, коихъ дѣла общеспвенные не проповурбчатъ началу положенному Беншамомъ.

Щаспливая Россія! ты можешь прежде попомспва вѣнчатъ споль рѣдкими похвалами МОНАРХА, въ рукахъ пвой жребій имѣющаго. Будучи наслѣдникъ крови и мыслей ПЕТРА I. и ЕКАТЕРИНЫ II, онъ довершаетъ пвое благополучіе, ушверждая его на самомъ прочномъ основаніи просвѣщенія. ПЕТРЪ и ЕКАТЕРИНА, призывая въ пвое нѣдро художниковъ, ученыхъ и словесниковъ иноспранныхъ, дали пакъ сказаъ, наукамъ, художеспвамъ и словесноспи только право тспспріимспва; но АЛЕКСАНДРЪ дѣлаетъ гораздо болѣе, онъ водворяетъ ихъ навсегда. Основаніе Универсптеповъ, коего вся слава принадлежитъ ЕМУ, еспъ несомнѣнное доказательспво, что сія обширная Имперія никогда не будетъ имѣть недоспапка въ великихъ людяхъ всякаго рода, и что Россія опнынъ ни въ чемъ не позавидуетъ ученой Европѣ.

Антонъ Дюгуръ.

